

Е. В. САФРОНОВ

Собиратель и информант: стратегии взаимодействия

В статье описываются особенности коммуникативного поведения собирателей и информантов, которые так или иначе влияют на зафиксированные полевые материалы. Исследование базируется на сопоставлении текстов, записанных от одних и тех же информантов разными исследователями. Феномен индивидуальной вариативности позволяет понять конкретные причины определенных изменений и совпадений в текстах, демонстрирует четкую зависимость всего хода беседы от реакции слушателя-собираателя.

Ключевые слова: коммуникация; собиратель; информант; индивидуальная вариативность.

E. V. SAFRONOV

Collector and informant: interaction strategies

The article describes the features of the communicative behavior of collectors and informants, which in one way or another affect the recorded field materials. The research is based on a comparison of texts written from the same informants by different researchers. The phenomenon of individual variability allows us to understand the specific reasons for certain changes and coincidences in the texts, demonstrates a clear dependence of the entire course of the conversation on the reaction of the listener-collector.

Keywords: communication; collector; informant; individual variability.

Говоря о возможном влиянии собирателя на записанные от информанта фольклорные тексты, исследователи нередко постулируют это воздействие в некоей общей, предположительной форме, см., напр.: [Чистов 2005б; Корб 2008; Лурье 1997, с 429–431; Мороз 2002; Обухов 2002; Панченко 2001; Чеснов 1999; Щепанская 2003]. Объясняется это тем, что доказать влияние определенной собирательской стратегии на тот или иной записанный текст достаточно сложно.

Продемонстрировать данное воздействие на более конкретном уровне возможно путем сопоставления разновременных записей от одного информанта, сделанных различными собирателями¹. Сравнение таких индивидуальных вариантов позволяет избежать «канонизации» отдельной записи, получить не теоретическое, а практическое

¹ Далее мы будем опираться на записи т. н. несказочной прозы, поскольку этот материал нам более знаком. Однако наблюдения и выводы, сделанные в этой работе, имеют, вероятно, более широкое значение — жестко не ограниченное конкретной «областью» фольклора (в пропповском понимании этого термина [Пропп 1976, 43]).

представление о фольклорном тексте как пучке вариантов, «объемном явлении», см. подр.: [Миненок 2002, 75; Сафронов 2011].

Цель настоящей работы — представить определенные результаты указанного сопоставления. При этом следует иметь в виду, что смена последнего члена в известной схеме: «информант — текст — собиратель» («экспедиент — текст — реципиент», «отправитель — информация — получатель»² и т. п.) далеко не всегда является основной причиной варьирования текста. Дело в том, что, например, «вибрирование» речевого оформления обычно наблюдается и при повторе рассказа одному и тому же слушателю [Чистов 2005а, 88–92]. Кроме того, в упомянутую схему не включены другие значимые условия фиксации фольклорного текста — в частности, событийно-коммуникативные обстоятельства общения между собирателем и информантом, взаимная оценка социального статуса собеседников, их половая принадлежность и т. д.³

Как мы постараемся показать далее, явление индивидуальной вариативности действительно может прояснить некоторые особенности взаимовлияния коммуникативных стратегий участников беседы.

Обратимся к конкретным примерам. В 2008 г. состоялась беседа с двумя пожилыми жительницами села Аркаево Ульяновской области — ГМН и СЛЯ⁴. В роли собирателей выступили двое молодых мужчин. Интервью длилось около полутора часов. Центральные макротемы (т. е. наиболее общие вопросы, которые устанавливались в основном собирателями) — календарные праздники, свадьба и сказочная проза.

Вторая встреча с этими же информантами произошла спустя два года. Их записывал другой собиратель — мужчина примерно того же возраста, что и предыдущие исследователи. В отличие от первой беседы с каждой из информанток была проведена отдельная встреча (т. е. провели две встречи, в общей сложности занявшие более двух часов). Кроме того, главной темой интервью была сказочная проза — соответственно, вопросы, связанные с календарем и свадьбой, не задавались.

Любопытно, что во время интервью 2008 г. на вопрос собирателя о являющихся покойниках последовал отрицательный ответ ГМН:

Соб.: Говорят, если плачешь по покойнику, то он может являться?

² См. подр.: [Чистов 2005в, 112].

³ Этим вопросам посвящено большое количество исследований; укажем здесь только на подборку статей в «Живой старине» за 2008 г. [ЖС 2008/1, 30–46] и работы, опубликованные в сборнике: [Фольклор: текст и контекст 2010].

⁴ См. перечень полевых материалов в конце статьи.

ГМН: Нет. Я об дочери плачу, не являются никогда!

Соб.: А скажите: вот еще говорят, что в каждом доме хозяин есть какой-то? <в ответ последовал рассказ о домовом, воспроизведенный уже другой собеседницей — СЛЯ; к теме приходящих наяву покойников участники беседы больше не возвращались>.

В 2010 г., беседуя с ГМН наедине, я обратился к ней с подобным вопросом про приходящего покойника. В ответ информантка пересказала пять (!) достаточно развернутых быличек — описаний случаев столкновения с являющимися мертвецами и летунами, которые приключились в разное время с ней самой и ее близкими. Можно предположить, что полное отсутствие текстового «отклика» при первой встрече и его наличие во второй беседе обусловлены двумя основными причинами: участием/неучастием третьих лиц и особой «сосредоточенностью» на вопросах, связанных с несказочной прозой, во время интервью 2010 г. Установленная собирателем главная макротема всей второй беседы — явление покойников во сне и наяву — обусловила возможность актуализации (припоминания) тех текстов, воспроизведение которых при первой встрече оказалось невозможным. Кроме того, определенное влияние на беседу, вероятно, оказал быстрый переход собирателей от одной темы к другой (от вопроса о являющихся покойниках — к домовому).

Подобное наблюдается и при сопоставлении других записей, произведенных от одного информанта различными исследователями. Приведем еще один показательный пример.

В 2000 г. от АЕП двумя студентками-первокурсницами была записана развернутая быличка о том, как на местный колодец слетались *волхуны* (колдуны, ведьмы). Во время рассказа информантка упомянула о том, что *волхуны* на колодец обращались в различных животных. В этот момент прозвучал вопрос собирателя: «А еще в кого могли обращаться?» В ответ АЕП начала пересказывать уже другую быличку — про столкновение с лошадьё-оборотнем.

Во время второй встречи (она произошла семь лет спустя, запись была осуществлена другими собирателями) информантка продолжила упомянутый рассказ про ведьмин колодец описанием иного случая, тесно связанного с предыдущим текстом, — о том, как одному из сельчан после того, как он выпил некую жидкость, пришлось стать невольным участником шабаша возле этого же колодца.

Возможно, в первой беседе рассказчица не воспроизвела указанный текст именно по причине немногого «лобового» вопроса со стороны соби-

рателей, который отвлек рассказчицу и вывел ее уже на другой текст (хотя и на ту же тему). Это подтверждается тем, что в 2007 г. к следующему рассказу — про лошадь-оборотня — информантка немного позднее перешла сама. Стоит также подчеркнуть, что рассказ о невольном свидетеле ведьминого сборища, который, выпив нечто из пузырька, попал на шабаш, был известен информантке уже во время первой встречи. Это доказывается следующим кратким упоминанием, воспроизведенным во время беседы 2000 г.:

Вот чё-то они делали, что-то какой-то пили ли, чаво ли они <...>, из избы они пропали, — и там у Сабурова колодца <оказывались>.

Влияние различных собирательских стратегий может проследиться и на уровне определенного текстового окружения, которым сопровождается воспроизведение того или иного рассказа. Например, в 2000 г. АЕП рассказала о своей тетке, которую «испортил» сосед. На этот рассказ собеседники вышли через тему колдовства (про *волхунов*). Текст был воспроизведен в следующем виде:

АЕП: Вот у меня даже тетка была этим испорчена.

Соб.: Как?

АЕП: Это сосед, в посаде молотили мы осенью (я девчонкой еще была), <...> и он ей ударил цепом по ее цепу, своим цепом, и она в посаде прям упала. Упала, и вот начала биться-биться, у ней пена изо рта пошла. Потом она стала зоровать. Ее свекор стал запирасть в конюшню. Ага. И убежит она, убежит куда-нибудь в поле, ее ищут, найдут, привяжут. Потом вот ее уж отправили в сорок четвертом-то году уж осенью в Ульяновск, и она там... ну, наверно, укол сделали, — умерла, в <психиатрической> больнице. Вот такие штуки были <далее информантка продолжает рассказывать о *волхунах* и ведьмином колодце>.

В 2007 г. вариант этого же рассказа был воспроизведен в ином текстовом окружении: собиратели задали вопрос о сарской «нянюшке», к которой местные жители ходили за исцелением и советом. После рассказа о ней АЕП обратилась к случаю со своей теткой. В связи с этим в текст был встроен новый эпизод, не воспроизведенный в первой беседе <после описания того, как сосед испортил тетку, ударив по ее *цепу*>:

И вот нам тут сказали <о нянюшке>, мы вот с моей теткой, с тетей Тишей, повели ее <испорченную> в Сару, к этой нянюшке водили. Она

<нянюшка> говорит: «Милая, я тебе немножко помогу», — ей-то не сказала, а нам-то сказала: «Он ей сделал на смерть!» Вот. И всё-таки она умерла. Сколько она у няво: то убежит, то ее в Слободе поймают, то где... Потом отправили ее в Ульяновский в «карамзинку» <неофициальное название местной психиатрической больницы>. И вот она уже в сорок четвертом-то году, где-то в конце, може, августа умярла <далее информантка рассказывает о других «нянюшках», к которым также ходили лечиться>.

Данные примеры показывают, что соотнесенность рассказа с тем или иным текстовым блоком⁵ сказывается и на содержательных, и на композиционных особенностях конкретного индивидуального варианта — как на уровне отдельного текста, так и беседы в целом. Во многом эта соотнесенность зависит от конкретных вопросов (в целом — коммуникативной стратегии) собирателя.

Заметим, что в приведенных фрагментах тематически сходные тексты выполняют функцию своеобразной рамки для рассказа об испорченной тетке. Иными словами, они маркируют начало и финал данного рассказа. Подобную функцию могут выполнять и отдельные фразы. Например:

Соб.: Не слышали о таком, что покойник приходит во сне или наяву?

ПАВ: Это прежние еще, сынок <к соб.>, прежние... Лётáли, говорят, а топерь нет этого, мы сами-то топерь лезем не знай куды, мы сами-то — как черти <...> <далее пересказывается быличка о ребенке, которого «розорвал» пришедший покойник; в завершение рассказа информантка снова обращается к этим же маркерам>. Это прежние люди калякали... А нынче, сынок, — какой ныне черти видятся!.. Мы сами уж как черти стали...

В индивидуальном варианте этого же рассказа, записанном другим собирателем, снова наблюдается аналогичная «кольцевая композиция», но при этом используется иной маркер начала и конца текста:

Соб.: Рассказывали, что если сильно плакать <по покойнику>, то прилетает?

ПАВ: Это преже летал.

Соб.: А вот как летал?

⁵ Подробнее о блоках текстов, которые могут быть выявлены и отграничены в основном благодаря сопоставлению разновременных записей интервью с одним и тем же информантом, см.: [Сафронов 2011].

ПАВ: Я сама не знаю: *правда, нет ли...* <далее следует пересказ былички о приходящем покойнике; в завершение рассказа информантка вновь обращается к маркеру>.

Соб.: Не нашелся потом ребенок <которого «розорвал» умерший>?

ПАВ: А где он найдётся? Он изорванный. *Вот правда ли, нет ли.*

В некоторых случаях индивидуальный вариант текста может завершаться почти тождественными фразами-маркерами. Сравните, например, финалы индивидуальных вариантов одной из быличек АЕП:

- 1) «Вот такие случаи тоже были»;
- 2) «Вот. Вот бывают такие случаи»⁶.

Любопытно, что текст может варьироваться и на уровне некоторого общего замысла. Так, в следующем примере общая установка на объяснение определенного словоупотребления («папанька», «бабашенька») провоцирует появление этого толкования в конкретном месте рассказа при очередном воспроизведении (индивидуальном варианте) текста. При этом не столь важно, какое конкретное лексическое оформление данного фрагмента будет выбрано или какой именно «термин» будет прокомментирован.

Сравните следующие фрагменты индивидуальных вариантов былички, записанных от АЕП:

1) *АЕП:* Утром я встала, говорю: «Папань, — они все на полу подряд, не на койках ведь раньше, да всё, — папаньк, бабашенька с кем разговаривала?» — *а мы ее «бабашенькой» звали.*

Соб.: С кем она разговаривала?

АЕП: Вроде, мол, как с этим, мол, со своим с <умершим> мужем?

2) *АЕП:* Я папаньку тычу, — *папанькой звали, бывало ведь,* — тычу яво в бок: — Папаньк, с кем бабашенька-то разговариват?

Сходные пояснения присутствуют в индивидуальных вариантах, записанных от другой информантки — ЕЛА: «А раньше плетюхи <большие корзины> ведь были»; в аналогичном фрагменте индивидуального варианта: «И вот плетюхи раньше». Еще примеры: «Там же

⁶ Подобные маркеры изредка встречаются и в некоторых других записанных от АЕП текстах, при этом словесно они оформляются немного иначе: «Вот так вот»; «Вот такие штуки были» и т. п. Тем более примечательно почти дословное совпадение финалов вариантов приведенного рассказа (напомним, что между этими двумя записями прошло семь лет).

сторожа́ в городах на кладбищах» — «А там охрана ведь в городах на кладбищах».

Тексты могут изменяться и в зависимости от степени предварительного знакомства с конкретным собирателем. Например, в 2010 г. разными исследователями была произведена неоднократная запись нескольких рассказов от жителя села Подлесного Ульяновской области ГТ, в которых описывается его встреча с инопланетянами. Одного из собирателей рассказчик знает много лет и является его односельчанином. Второй собиратель впервые познакомился с информантом непосредственно во время беседы. Уровень знакомства с исследователями не оказал существенного влияния на содержание или объем рассказов. Зато это значительно изменило языковое оформление записанных текстов — в частности, в отношении использования инвектив (при беседе с менее знакомым собирателем были употреблены их литературные аналоги).

Приведем варианты показательных фрагментов беседы <информант рассказывает о том, как его взяли с собой «на ракету» инопланетяне>:

И летим вот как — ну, как во сне иль наяву — я чё-то сам не могу понять. Вроде как сначала звезды были навярху, потом они как-то сбоку, блядь, появились, ёбт твою мать, звезды вот эти вот всё. И летим. А меня желудок мозги ёб <в реальности были проблемы с желудком>. Ну, я, — летим, ёбт твою ма, я грю <инопланетянам>: «Вы б лучше мне желудок вылечили бы!»;

Я... ты веришь, нет, — летишь: звезды сначала наверху были, а потом они как-то по́ боку, потом вниз пошли — звезды-то показываются. Вот. А у меня желудок болел. Говрю: «Вы мне желудок полячите!»

В некоторых случаях та или иная формулировка вопросов собирателя непосредственно воздействует на выбор рассказчиком конкретных лексем текста:

1. <Информантке приснилась умершая местная целительница — няня Наташа, у которой сновидица попросила «платочек»>:

КЕВ: Она <нянька Наташа> говорит: «Приходи ко мне, я тебе дам платочек» <...> Я вскочила <в реальности>, рано-рано утром и пошла — платок лежит. Вот она во сне ей сказала: «Приди, — говорит, — я тебе дам платочек»...

Соб.: На могиле?

КЕВ: На могиле, да, лежит.

2. *КЕВ*: Говорит: «Платочка, у меня нет платочка» <...> Пошла — платок лежит.

Соб.: Там, на кладбище?

КЕВ: На кладбище. Вот. «Приди, — говорит, — я тебе дам платочек».

Таким образом, влияние различных собирательских стратегий (при сравнении индивидуальных вариантов) более отчетливо проявляется не столько на уровне конкретных текстов, сколько на уровне связей между текстами, на уровне целостной беседы.

Отсутствие или присутствие определенных текстов, новые эпизоды и мотивы, иное языковое оформление, более или менее подробное изложение сопоставляемых индивидуальных вариантов — всё это зависит от самых различных обстоятельств, — в том числе от коммуникативного поведения собирателя и информанта (взаимовлияния коммуникативных стратегий собеседников). Сопоставление индивидуальных вариантов позволяет понять конкретные причины тех или иных изменений и совпадений, демонстрирует четкую зависимость всего хода беседы от реакции слушателя-собирателя.

Стоит напомнить и о том, что большинство фольклорных текстов, которые имеются в распоряжении исследователей, зафиксированы именно в рамках контакта между информантом и собирателем (имеется в виду не только интервью, но и другие полевые методы — например, связанные с наблюдением). В свое время К. В. Чистов писал о том, что фиксация фольклорного текста — это «более или менее случайный эпизод, очень важный для фольклориста, но не играющий существенной роли в фольклоре» [Чистов 2005г, 54]. Тем не менее данная фиксация, по сути, является той единственной «эмпирической» реальностью, с которой фольклористы в основном и имеют дело.

Это означает, что вместо того, чтобы попытаться смоделировать «естественное бытование» фольклора путем элиминирования «деструктивной роли» собирателя⁷, нужно максимально сосредоточиться именно на особенностях взаимодействия исследователя и информанта.

⁷ См., например, замечания А. Ю. Брицыной о необходимости минимизации «возмущающего» влияния собирателя [Этические проблемы 2006, 34]. Такой подход нередко наблюдается и в работах визуальных антропологов, которые пытаются создать для своего зрителя иллюзию «объективности»: в кадре всегда находится только информант, собиратель же лишь предполагается.

ЛИТЕРАТУРА

- ЖС 2008/1** — Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. № 1.
- Корб 2008** — Корб А. Э. Факторы, влияющие на результаты полевых исследований // Живая старина. 2008. № 1. С. 37–40.
- Лурье 1997** — Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
- Миненок 2002** — Миненок Е. В. Вариативность как текстологический фактор // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. С. 74–87.
- Мороз 2002** — Мороз А. Б. О фольклорности нефольклорного (евангельские события в восприятии современного крестьянина) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. С. 31–43.
- Обухов 2002** — Обухов А. С. Построение программы психологического исследования личности в контексте русской традиционной культуры. URL: <http://rl-online.ru/articles/1-02/32.html> (дата обращения: 09.08.2020).
- Панченко 2001** — Панченко А. А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1. С. 7–9.
- Пропп 1976** — Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 34–45.
- Сафронов 2011** — Сафронов Е. В. К вопросу об индивидуальной вариативности фольклорного прозаического текста // От конгресса к конгрессу: мат-лы Второго Всероссийского конгресса фольклористов / сост. В. Е. Добровольская и др. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 29–42.
- Фольклор: текст и контекст 2010** — Фольклор: текст и контекст / сост. М. Д. Алексеевский. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010.
- Чеснов 1999** — Чеснов Я. В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 3–15.
- Чистов 2005а** — Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // К. В. Чистов / Фольклор. Текст. Традиция. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. С. 77–104.
- Чистов 2005б** — Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // К. В. Чистов / Фольклор. Текст. Традиция. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. С. 134–143.
- Чистов 2005в** — Чистов К. В. Традиция и вариативность // К. В. Чистов / Фольклор. Текст. Традиция. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. С. 105–116.

- Чистов 2005г** — *Чистов К. В.* Устная речь и проблемы фольклора // К. В. Чистов / Фольклор. Текст. Традиция. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. С. 52–67.
- Щепанская 2003** — *Щепанская Т. Б.* Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии). URL: <http://www.poeahly.narod.ru/exped-phaenomena.htm> (дата обращения: 09.08.2020).
- Этические проблемы 2006** — Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- АЕП** — жен., 1925 г. р., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл.; собиратели 2000 г. — Л. Белоусова, Е. Антонова; собиратели 2007 г. — Е. Сафронов, А. Липатова.
- ГГ** — муж., около 50 лет, род. в с. Тагай, прожив. в с. Подлесном Майнского р-на Ульяновской обл., собиратель 2010 г. (весна) — П. Половов; собиратель 2010 г. (лето) — Е. Сафронов.
- ГМН** — жен., 1930 г. р., род. в с. Козловка, с 1961 г. проживает в с. Аркаево Сурского р-на Ульяновской обл., собиратели 2008 г. — П. Куприянов, П. Половов; собиратель 2010 г. — Е. Сафронов.
- ЕЛА** — жен., 1933 г. р., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., собиратели 2007 г. (июль) — П. Куприянов, П. Половов; собиратели 2007 г. (август) — Е. Сафронов, А. Липатова.
- КЕВ** — жен., 1938, род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., собиратель 2006 г. (9 авг.) — Е. Сафронов; собиратель 2006 г. (11 авг.) — А. Липатова.
- ПАВ** — жен., 1913 г. р., род. в с. Малая Кандарать, с 1940 г. прож. в с. Вальдиватском Карсунского р-на Ульяновской обл., собиратель 2005 г. (весна) — И. Морозов, собиратель 2005 г. (лето) — Е. Сафронов.
- СЛЯ** — жен., 1935 г. р., род. и прожив. в с. Аркаево, собиратели 2008 г. — П. Куприянов, П. Половов; собиратель 2010 г. — Е. Сафронов.